

Когда Байли Тусу вместе с А Сяном ушел в одиночку, Оуян Шаогун все еще беседовал во внутренних покоях с Цзиньнян. Остальные волновались за него и бросились в погоню.

Фан Ланьшэн нашел Байли Тусу первым. Тот стоял в углу рынка и с совершенно равнодушным видом наблюдал, как А Сян уплетает кусок свиной грудинки. Судя по одному лишь выражению лица — в точности как он сам недавно заявлял, — невозможно было понять, что у него на душе.

Фан Ланьшэн глубоко вздохнул, подошел и заговорил:

— Ну... послушай... деревянное лицо, ты ведь помнишь, я рассказывал тебе про сон во сне?

Байли Тусу поднял на него взгляд.

— Я к тому, что это всё... ну, считай, что это просто приснилось... Ха... — Фан Ланьшэн осекся и принялся растерянно озираться по сторонам, лишь бы не смотреть на Байли Тусу.

Одинокая и зловещая судьба, скудные узы с близкими — любой, кто сближался с ним, неминуемо сталкивался с бедой.

Каждый, кто обладал хоть каплей здравого смысла, понимал: подобный предначертанный рок, подобный результат гадания — кому угодно станет не по себе, узнай он такое.

Байли Тусу бросил взгляд на Фан Ланьшэна, прикрыл глаза, дождался, пока А Сян на земле проглотит последний кусок свинины, и наконец произнес:

— Не нужно придавать этому значения.

Сказав это, он позвал А Сян, та опустилась ему на плечо, и он, развернувшись, зашагал прочь.

— Эй, ты куда собрался? Только не вздумай натворить глупостей! — Фан Ланьшэн бросился за ним следом и машинально схватил за рукав.

Байли Тусу полуобернулся, встретившись лицом к лицу с Фан Ланьшэном. Его взгляд был холодным и отстраненным.

Фан Ланьшэн вздрогнул и невольно разжал пальцы. Даже те полфразы, которые он приготовил, чтобы сначала задеть, а потом утешить — вроде: «хоть ты человек вечно зловещий да свирепый и вечно любишь строить из себя невесту что», — застряли у него в горле.

Байли Тусу снова чуть опустил ресницы, и голос его прозвучал холодно:

— Что тебе нужно?

— Ни-ничего... Тьфу, то есть я хотел сказать: смотри мне, не делай глупостей! — Фан Ланьшэн схватился за голову. Он совершенно не знал, что делать с Байли Тусу. Как можно быть таким человеком? Что бы ни случилось — на лице ни единой эмоции, ни улыбки, ни слез, смотреть аж жутко.

— Я уже сказал: не нужно придавать этому значения.

Байли Тусу помолчал немного и снова зашагал вперед.

— Да как можно не придавать! — вырвалось у Фан Ланьшэна. Опомившись, он с досадой закрыл лицо руками, а затем торопливо затараторил: — Тьфу-тьфу-тьфу, с чего бы мне переживать, какое тебе, деревянному лицу, дело до всего остального! Просто Сянлин наверняка волнуется за тебя, вот я и вынужден заступаться и проявлять заботу от ее имени, точно, именно так!

Голос Байли Тусу стал еще холоднее:

— И какое это имеет ко мне отношение?

С этими словами он действительно зашагал быстрее.

Фан Ланьшэн и сам понял, что снова сболтнул лишнего, и жутко пожалел об этом. Но у Байли Тусу были длинные ноги, и шел он быстро; Ланьшэн бы и рад броситься в погоню, да подоспевшие сзади Хун Юй, Фэн Цинсюэ и Сянлин преградили ему путь.

Фан Ланьшэну пришлось вкратце рассказать им о том, что произошло, умолчав, правда, о своем последнем неловком высказывании. Хун Юй задумчиво помолчала и произнесла:

— Раз так, молодой господин Байли, должно быть, сам во всем разберется, и нам не стоит докучать ему нравоучениями. Давайте поступим иначе: рынок в Цзянду необычайно оживлен, так что мы втроем — сестрица Цинсюэ, маленькая Сяньлин и я — прогуляемся здесь. Ну а ты, мартышка... если ты все еще переживаешь за молодого господина Байли, почему бы тебе не найти его, не попить с ним чаю и не поболтать?

Фан Ланьшэн презрительно скривил губы:

— К-кто сказал, что я переживаю за это деревянное лицо? Ни за что не пойду его искать! К тому же, болтать с этой деревяшкой — да лучше прирежьте меня на месте...

Хун Юй прикрыла ладонью улыбку широким красным рукавом, но ничего не ответила.

Фан Ланьшэн еще немного покусал нижнюю губу. В душе он все же сильно тревожился за Байли Тусу и на ходу придумал предлог:

— Для мужчины таскаться за вами, девчонками, по лавкам — дело несерьезное, так что я... я пойду отдохну на постоянный двор.

Хун Юй тихонько рассмеялась. Фан Ланьшэн твердил себе не волноваться, уверяя, что эта женщина-демон ничего не заметила, но жар залил его лицо и дошел до самых кончиков ушей. Больше не смея смотреть на Хун Юй, он быстрым шагом бросился прочь.

Фан Ланьшэн разыскал Байли Тусу уже во второй половине дня. Поискав его снаружи и нигде не найдя, он вернулся на постоянный двор и лишь там узнал, что тот уже какое-то время сидит у себя в комнате.

Сам он стучать не стал, а приоткрыл дверь собственной комнаты, сел попить чаю и стал неотрывно следить за происходящим за стеной, смертельно боясь, что Байли Тусу от дурных мыслей натворит бед.

К счастью, Байли Тусу не был из тех, кто сводит счеты с жизнью из-за хандры. Он просто чувствовал себя ужасно уставшим, приляг на кровать и проспал целый час, видя один тягостный сон за другим. Когда он проснулся, был уже вечер.

Стоило Байли Тусу приотворить дверь комнаты, как из соседней донесся звон разбитой посуды. Скосив глаза, он увидел Фан Ланьшэна, который в панике собирал с пола осколки чайного сервиза и при этом тарасился на него снизу вверх, словно опасаясь, что тот куда-то сбежит.

Оказалось, Фан Ланьшэн так обрадовался, наконец увидев вышедшего за порог Байли Тусу, что от избытка чувств махнул рукой и смахнул со стола чайные принадлежности.

Ему хотелось и осколки подобрать, и в то же время не упустить из виду Байли Тусу, чтобы тот снова не исчез бесследно. Поэтому он, подбирая вещи с пола, не отрывал глаз и пялился на Байли Тусу с таким усердием, что вполне мог бы потягаться с Сянлин.

Байли Тусу окинул взглядом погром в комнате Фан Ланьшэна и снова собрался уходить.

Фан Ланьшэн торопливо окликнул его:

— П-постой... у меня есть к тебе разговор.

— ... — Байли Тусу на мгновение замялся, заметив, что Фан Ланьшэн бросил чашки и в панике выскочил в коридор, и ему пришлось остановиться.

Подбежав к Байли Тусу, Фан Ланьшэн почему-то уставился в небо:

— Какая сегодня прекрасная погода... Ха, ха-ха...

Байли Тусу молча повернулся, чтобы уйти.

— Эй-эй, я же еще не договорил! Я к тому, что... раз погода такая хорошая, в городе Цзянду есть Храм Дамин. Пейзажи там удивительно живописные, это прекрасное место, чтобы

развеемся и отдохнуть на природе. Не... не сходить ли нам... — дойдя до этого места, Фан Ланьшэн из гордости просто не мог выдавить из себя продолжение. Он и сам чувствовал, что они с Байли Тусу не родственники, не близкие и даже не друзья, и предлагать подобное — сущий абсурд. Но, к своему стыду, ничего лучше придумать не смог. Заметив же, что Байли Тусу снова мнётся и собирается унять его поползновения уходом, Фан Ланьшэн был вынужден засунуть подальше свою гордость, остатки приличий и все доводы разума, выпалив: — Давай сходим туда вместе!

Байли Тусу остановился, удивленно обернулся и слегка широко раскрыл свои спокойные глаза, в которых на мгновение промелькнуло куда больше юношеского задора, чем обычно.

Впрочем, лишь на мгновение: уже спустя секунду даже эти чуть расширившиеся глаза вернулись к привычному выражению, не говоря уж о каком-либо оживлении.

На щеках Фан Ланьшэна вновь проступил легкий румянец. Яростно сверкнув глазами в ответ, он свирепо рявкнул:

— Ну так идем или нет? Если нет, я пойду один!

Байли Тусу некоторое время молча смотрел на то, как Фан Ланьшэн скрестил руки на груди и надул губы, а затем вдруг опустил взгляд и ответил:

— Хорошо.

— Хм! Хотя на что-то ты способен, — радостно подумал Фан Ланьшэн, одновременно испытывая жгучую боль в сердце. Ведь это место он изначально подыскивал специально для Сянлин, а теперь всё достанется этому деревянному лицу — какая досада... Впрочем, что поделать, раз с Байли Тусу приключилась такая беда. В жизни бывают дела поважнее и поспешнее, а Сянлин... придется подождать до следующего раза.

Бедная чистая юношеская романтика — в последующие дни его «собственной» Сянлин придется раз за разом отступать на задний план.

Храм Дамин располагался на полугоре, а та самая смотровая площадка, о которой говорил Фан Ланьшэн, находилась за храмом, на самой макушке пика.

Обычным людям туда, пожалуй, было тяжело карабкаться, но для них двоих подняться наверх по узкой тропинке не составляло особого труда.

С вершины открывался необъятный простор. Любоваться отсюда пейзажами было совсем не то же самое, что внизу, на равнине. Над головой раскинулось пронзительно-синее небо, словно опрокинутая чаша, а под ногами волнами простирались горные хребты, образуя четкие, сменяющие друг друга слои, переплетающиеся и оттеняющие друг друга.

— Ну как? Отличное место, правда? — Фан Ланьшэн слегка задрал подбородок, выглядя

чрезвычайно довольным. — Я вычитал об этом в Записках о нравах и достопримечательностях, но никак не думал, что и впрямь сумею его отыскать. Хе-хе, ну до чего же я везучий!

— ... — Байли Тусу снова промолчал, не отвечая на вопрос, а лишь глядя туда, где горы сливались с небом — в эту даль человеческий глаз уже не мог проникнуть, стирая все границы.

Фан Ланьшэн внезапно указал сначала на небо, а затем на землю:

— Погляди на это небо, на эту землю, на эти облака и туман. На первый взгляд они кажутся совершенно разными, но на самом деле все это — одна и та же субстанция.

— ...С чего бы?

— Как говорил Будда: «Материя не отлична от пустоты, пустота не отлична от материи; материя есть пустота, пустота есть материя; чувства, восприятие, память и сознание — точно так же». Это значит, что сколько бы ни было в мире вещей и какими бы личинами они ни обладали, всё это лишь внешняя оболочка. Что бы ты ни видел, их истинная суть едина. Точно так же, как ты сейчас кажешься мне одним, а я тебе — совсем другим, наши облики совершенно отличны, но суть одна. Даже если сейчас мы не похожи, спустя сто лет мы обратимся в одно и то же, превратившись в пыль и облачную дымку этого мира. А если тебе кажется, что эта пыль и туман тоже чем-то отличаются — ничего страшного, пройдут еще тысяча или десять тысяч лет, и эта разнородная пыль с туманом снова станут единым целым...

— ...К чему ты мне всё это говоришь?

— Ой, — Фан Ланьшэн поскреб в затылке. — Я просто хотел сказать: кем бы ни был человек и какой бы ни была его судьба, в конце концов всё возвращается к единому началу... Так что, так что не стоит придавать этому значения.

Байли Тусу молча смотрел на Фан Ланьшэна и лишь спустя долгое время произнес:

— Я и не придавал.

— ...О, раз не придавал, так еще лучше! Любуемся пейзажами, давай любоваться пейзажами, ха-ха...

Байли Тусу еще долго глядел на плывущие по небосводу облака. Жизнь многолика, и природа являет себя в тысячах обликов, неужто в конце концов всё и вправду обратится в одну и ту же материю... Раз так, то и жизнь, и смерть, пожалуй, не стоят того, чтобы переживать.

— ...Тысячи образов плывущих облаков: то расчесаны гребнем, то спутаны нитями, то похожи на пышные цветы, то принимают обличья диких зверей. Но как бы они ни выглядели, всё это — лишь облака. То, что было сказано сегодня, Тусу запомнил.

— Ой? Да я ли не ослышался! — Фан Ланьшэн отступил на полшага назад, вытаращив глаза и не веря своим ушам. — Т-ты... ты только что выдал мне такую длинную речь?!

— ...

Байли Тусу молчал добрую половину дня — не только потому, что ему нечего было ответить, но и потому, что Фан Ланьшэн все это время продолжал тараторить у него над ухом: «Ну почему ты говоришь так коротко, от этого совсем не веет жизнью, вечно холодный и отстраненный, словно чурбан, разве это дело? Неужели тебя не выворачивает от того, что ты вечно молчишь? Мне всегда было так любопытно: представь, как сильно вредит здоровью держать слова в себе и не высказывать их! Как же здорово говорить — это не только снимает напряжение, но и продлевает жизнь! А еще, а еще ведь молчание совсем не способствует сближению душ, если из-за этого невзначай возникнет стена отчуждения, разве это хорошо? #&...»

Впервые в жизни Байли Тусу не стал ледяным тоном приказывать ему заткнуться. Он просто молча слушал, и лишь когда у Фан Ланьшэна наконец осип голос и он высказался до конца, заговорил сам.

— Я не убивал младшего брата Чжао Линя. Его внезапная смерть рядом со мной поразила и испугала меня... Если бы старейшина дисциплинарного зала не был столь непреклонен, не считал бы меня убийцей и не вознамерился заключить меня под стражу без всяких расспросов, я бы тоже...

— А? Т-ты чего это вдруг завел со мной разговор об этом... — Фан Ланьшэн почесал затылок. Разве это дело не осталось в прошлом?

— Разве не ты говорил, что с помощью слов следует разрешать старые обиды? Я и объяснил.

— Ой, ой, ну да, всё верно... Смотрим на небо, давай смотреть на небо, ха, ха-ха... — Фан Ланьшэн с легким румянцем на щеках выдавил из себя неловкий смешок и отвернулся.

Байли Тусу поднял голову и с самым невозмутимым видом посмотрел в небо.

Погода стояла прекрасная.

Синее небо, яркое солнце, плывущие пушистые облака.

<http://bllate.org/book/27574/3352621>